

ЛУДОМАН С КЭМДЕН-РОУД

The.Feer

18+

The.Feer

Лудоман с Кэмден-роуд

«Автор»

2026

The.Feer

Лудоман с Кэмден-роуд / The.Feer — «Автор», 2026

Юрка Пантелеев продал квартиру покойной бабушки за один вечер в онлайн-казино. Через два года он живёт за пабом на Кэмден-роуд, должен коллекторам из Саратова больше, чем может сосчитать, и слышит голос, который каждую ночь шепчет одно и то же слово. Потом приходит приглашение - чёрная карточка без обратного адреса, дверь без номера в Мейфэре. Здесь играют не на деньги. Здесь играют на то единственное, что банк никогда не спишет и ломбард не примет обратно. Первая ставка всегда сладкая. Вопрос лишь в том, что останется после неё.

Содержание

Пролог. Дно	5
Глава первая. Мания	6
Глава вторая. Голос в груди	7
Глава третья. Коллекторы Саратова	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

The.Feer

Лудоман с Кэмден-роуд

Пролог. Дно

Меня зовут Юрка Пантелеев, мне тридцать один год, и я пишу это на заднем крыльце паба «Слепой попрошайка» на Кэмден-роуд, потому что внутрь меня больше не пускают - ни в долг, ни за деньги, которых у меня всё равно нет. Пишу карандашом, огрызком, на обороте квитанции из ломбарда, куда я две недели назад сдал последнее, что у меня оставалось: серебряные часы бабки Веры, которые она подарила мне на выпускной, сказав, что часы - это единственное, что никогда тебя не обманет, потому что они всегда идут вперёд, а не назад. Она ошибалась. Часы можно обменять на фишки. Фишки можно проиграть. А то, что останется после депозита, - если это можно назвать «останется», - можно пробухать за один вечер в компании таких же, как ты, только чуть более везучих сегодня. Квартиру бабки Веры - двушку в Саратове, на Ленинском, доставшуюся мне после её смерти, - я продал два года назад. Продал не потому, что нуждался; продал, потому что где-то в мозгу у меня щёлкнул тумблер, и с этого момента всё, что имело денежное выражение, стало казаться мне лишь стартовым капиталом для следующей ставки. Красное-чёрное, потом спорт, потом слоты, потом покер, потом снова спорт, по кругу, как исповедь, которую читаешь не Богу, а приложению на телефоне, что горит в темноте ярче иконы. А то, что осталось после депа - крохи, огрызки, - пробухал. Потому что трезвым слишком больно чувствовать, что ты сделал. Теперь я босой - в буквальном смысле, кроссовки я заложил ещё в марте - и нищий, и питаюсь тем, что нахожу за рестораном на углу, где повара, зная меня в лицо, иногда оставляют пакет у мусорных баков чуть раньше положенного часа, будто из жалости, хотя вслух этого не говорят. Ведь я всё проиграл. Квартиру, кредитную историю, доверие матери, которая перестала брать трубку ещё год назад, доверие Кати, которая была со мной семь лет и ушла, не хлопнув дверью, по-английски, пока я спал после суточного марафона в казино на Лестер-сквер. Я не жалею. Это не жалоба. Это просто отчёт - тому, кто, может, однажды прочтёт эти листки и поймёт, с чего начинается конец. Начинается он, как оказалось, с одного странного приглашения, которое я получил ровно в тот вечер, когда решил, что дальше падать уже некуда...

Глава первая. Мания

Врачи - те немногие, кого я ещё застал в своей жизни до того, как страховка накрылась вместе со всем остальным, - называли это патологической манией, такой же настоящей болезнью, как диабет или чахотка, только без внешних симптомов, без сыпи, без температуры - только пустой банковский счёт, красные глаза и руки, что сами тянутся к телефону в четыре утра, когда весь мир спит, а бесчисленные онлайн-столы всё ещё горят зелёным сукном сквозь стекло экрана. Я иду all-in не потому, что уверен в своих картах. Я иду all-in, потому что в момент, когда фишки летят на середину стола, что-то внутри меня наконец замолкает. Все голоса - долги, мать, Катя, бабка Вера, коллекторы, стыд - все они на секунду перестают говорить разом, и остаётся только чистое, звенящее, почти религиозное ничто: карта ляжет так или иначе, и я либо спасён, либо кончен, и обе эти возможности звучат сейчас одинаково прекрасно, потому что обе означают конец неопределённости. Мания не спрашивает разрешения. Она приходит, как проповедник, стучится в дверь мозга, и стоит впустить её однажды - хотя бы однажды, хотя бы на пять фунтов, поставленных на красное в семнадцать лет на школьной дискотеке, где кто-то устроил самодельную рулетку из бумажной тарелки, - и она уже никогда толком не уходит. Она просто ждёт. Ждёт удобного момента, стресса, одиночества, вечера пятницы, зарплаты на карте.

Я помню день, когда подписывал документы на продажу квартиры бабки Веры, с почти хирургической ясностью. Риелтор, женщина лет пятидесяти с идеальным маникюром, поинтересовалась, между делом, на что я планирую потратить деньги - новый бизнес, ипотека получше, может, инвестиции. Я ответил что-то неопределённое про «развитие за границей», и она понимающе покивала, не подозревая, что ровно через двенадцать часов вся сумма - все три с половиной миллиона рублей - будет лежать депозитом на счету онлайн-казино, зарегистрированного на Кюрасао, а ещё через восемнадцать часов от неё не останется ровным счётом ничего, кроме цифры «0.00», мигающей на экране с той же бесстрастной регулярностью, с какой мигает курсор в пустом документе. Я не почувствовал в тот момент ни ужаса, ни паники. Я почувствовал странное, почти торжественное спокойствие - то самое чувство, что мания дарит своим самым преданным адептам в момент окончательного падения: раз всё уже потеряно, значит, больше нечего терять, а значит, можно наконец расслабиться. Это спокойствие, как я теперь понимаю, было самой опасной ловушкой из всех - потому что оно давало разрешение на следующий шаг, и следующий, и следующий, без страха, без тормозов, без единой причины остановиться. Она умеет говорить голосами, которым нельзя не поверить. Голосом отца, которого я никогда не знал: «Ты же мужик, Юра. Мужики не бегут от риска». Голосом бабки Веры, хотя бабка Вера никогда бы такого не сказала: «Ставь, милый. Часы у тебя есть, а часы всегда можно продать снова». А чаще всего - своим собственным голосом, тем самым, что живёт где-то в груди и шепчет так тихо, что его легко спутать с собственными мыслями, пока однажды не понимаешь, что мысль эта повторяется слово в слово, вечер за вечером, вот уже восемь лет подряд.

Глава вторая. Голос в груди

Тридцать три кредита - я как-то пересчитал их в приложении банка, том единственном приложении, что у меня ещё оставалось, потому что закрыть его мне не позволяли ни английские законы, ни собственная привычка проверять баланс по три раза на дню, будто ноль вдруг превратится во что-то положительное, если посмотреть на него достаточно внимательно. Тридцать три - как возраст Христа, говорила мать в те редкие вечера, когда ещё говорила со мной вообще, хотя иронии в этом сравнении было больше, чем она, наверное, вкладывала. Банки давно занесли меня в свои чёрные списки - и лондонские, и российские, - а те, что не занесли, отказывали автоматически, стоило системе увидеть паттерн: зарплата приходит, зарплата уходит на ставки в течение трёх часов. Я стал невидим для честной финансовой системы и оттого предельно видим для нечестной: для микрозаймов под грабительский процент, для «быстрых денег до зарплаты», для людей, что одалживают наличные без документов в переулках за Кингс-Кросс и запоминают не имена, а лица должников. Я кинул на бабло всех близких, кого мог. Мать - под предлогом операции, которой не было. Катю - под предлогом депозита за новую квартиру, которого тоже не было, потому что квартиру я к тому моменту уже слил на спортивные ставки за одну исступлённую ночь чемпионата мира. Старого школьного друга Лёшку, что переехал в Лондон на пять лет раньше меня и одолжил тысячу фунтов «на аренду», а через месяц перестал отвечать на звонки вовсе, узнав, куда та тысяча делась. А голос не умолкал никогда. Он не кричал. Он не был драматичен, как в дешёвых фильмах про одержимость. Он был спокоен, деловит, почти ласков, как голос бармена, что давно выучил твой обычный заказ. «Ставь, - шептал он, когда я лежал без сна в комнате без отопления над закрытой химчисткой - Ещё разок. Последний. У тебя же есть телефон - заложи его завтра, а сегодня используй как последний шанс отыгаться. Ставь, ставь, ставь». Мне начало казаться, что этот голос - не метафора. Что где-то за гранью моего собственного рассудка есть кто-то настоящий, кто действительно шепчет это слово, ночь за ночью, слишком последовательно для случайного помешательства. Я не ошибался. Просто ещё не знал, с кем именно веду диалог...

Глава третья. Коллекторы Саратова

По саратовским меркам я задолжал столько, что бывшие одноклассники, с которыми я не общался пятнадцать лет, вдруг начали писать мне в мессенджерах - не из ностальгии, а потому что их наняли найти должника, сбежавшего в Лондон под предлогом «работы по контракту». Началось с частных займов - с той самой конторы у Крытого рынка, что давала деньги без расписок, под честное слово и под залог одной простой договорённости: не отдашь вовремя - потеряешь не деньги, а что-то более личное. Потом я, разумеется, не отдал вовремя. А потом уже не мог отдать вовсе, потому что вся сумма, взятая якобы на «оплату визы и переезда», ушла на ставки в ту же ночь, что я её получил, - ушла с такой скоростью, что даже я сам, привычный к собственному безумию, удивился, насколько быстро руки умеют предавать голову. Я знал их всех поимённо, этих людей. Дениса Косого, что звонил по будням в девять утра ровно, будто на работу. Стаса Немого, что никогда ничего не говорил сам, только присылал фотографии - то моей матери у подъезда, то Кати на автобусной остановке, - без единого слова, потому что фотографии говорили достаточно. Я помнил их лица по старым фотографиям в соцсетях, помнил интонации голосов, помнил даже марку машины, на которой они однажды подвезли меня «поговорить» - разговор тот стоил мне сломанного пальца и окончательного решения бежать из страны. Лондон казался спасением. Лондон оказался лишь новой ареной для того же самого зверя. Я прилетел сюда три года назад по студенческой визе, которую оформил в последний момент, наврав консульству про якобы серьёзные намерения получить магистерскую степень по финансам - ирония, которую я оценил в полной мере лишь позже, задним числом, когда понял, что единственное финансовое образование, которое я действительно получил в этом городе, состояло в умении отличать паб с букмекерской конторой внутри от паба без неё. Первые полгода я честно ходил на лекции, честно снимал приличную комнату в Илинге, честно звонил матери по воскресеньям и рассказывал, как хорошо у меня идут дела. А потом однажды вечером, после особенно нудной пары по эконометрике, одноклассник-индеец предложил зайти в букмекерскую контору на углу - «на пять минут, просто посмотреть на футбол», - и пять минут растянулись на три года, за которые я так и не досдал ни одного экзамена, зато прекрасно изучил расписание всех казино и букмекерских контор в радиусе часа езды от центра Лондона. Мать поначалу верила моим объяснениям - что учёба тяжелее, чем казалось, что визу продлили, что степень просто заняла больше времени, чем планировалось. Верила она долго, куда дольше, чем следовало бы верить здравомыслящему человеку, - пока однажды кто-то из саратовских знакомых, к кому обратились коллекторы в поисках моего нового адреса, не рассказал ей правду напрямую, без прикрас. С тех пор она звонить перестала. Я звонил сам, первое время, - слушал длинные гудки, потом короткие, потом автоответчик, потом просто тишину, потому что номер, судя по всему, сменился, а нового мне никто не сообщил. Так я и остался в Лондоне - без визы, без образования, без работы, что могла бы легализовать моё пребывание, но с удивительной, почти сверхъестественной способностью находить крышу над головой ровно на столько недель, сколько требовалось, чтобы очередной знакомый или работодатель, дающий шанс нелегалу без документов, не понял, во что превращается его помощь в моих руках. В самые чёрные ночи, а таких у меня накопилось порядочно, я думал о зелье, вычитанном ещё в детстве, из книжки, которую мне читала бабка Вера перед сном: жидкое золотое везение, капля которого делает любое дело успешным, любую ставку - верной. Я бы душу продал за одну каплю такого зелья - думал я тогда буквально, не метафорически, лёжа на продавленном матрасе съёмной комнаты и слушая, как за стеной ругаются соседи-поляки. Кто-то, похоже, услышал эту мысль. Или, может статься, слушал её давно, ждал, пока она созреет до нужной твёрдости, - потому что вскоре после этого в моём почтовом ящике, среди счетов за коммуналку и последних предупреждений от банка, появился конверт без марки, без обрат-

ного адреса, запечатанный тёмно-бордовым сургучом с оттиском, который я поначалу принял за герб какого-то лондонского клуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.